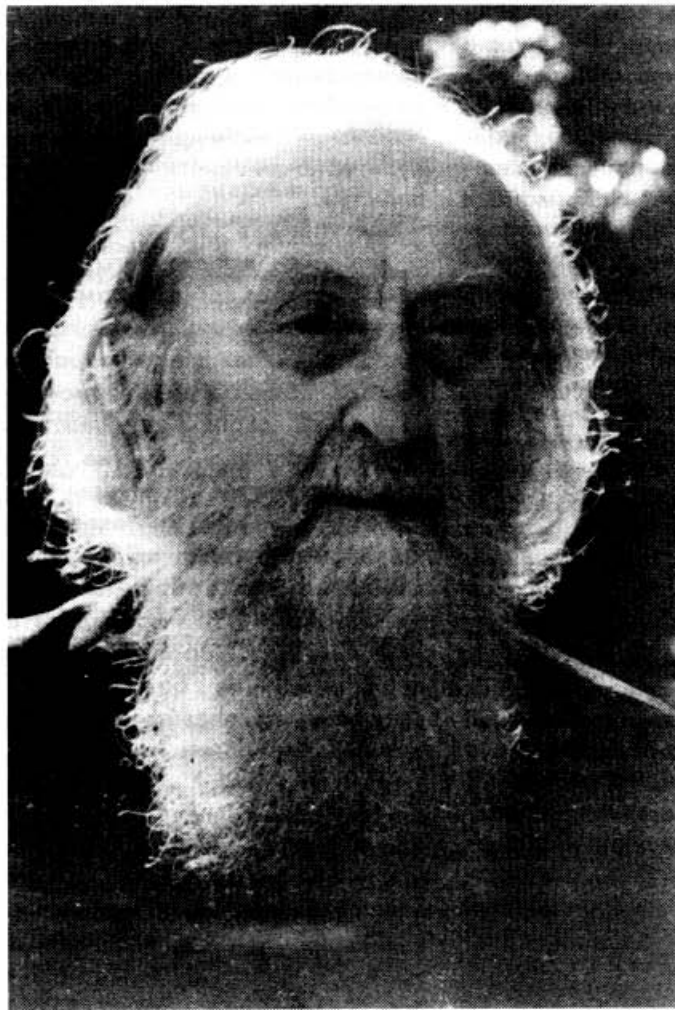

Свидетель Света

Схиархимандрит Софроний

Богословская наука, которая преподается в школах и которая стала научной специализацией, доступна всем, но она не дает познания Бога. Познание Бога происходит из жизни в Боге, которая рождается в глубинах сердца.¹

¹ Софроний (Сахаров), архим. О Духе и Жизни. Эссекс, 1995. С.56

Блаженного старца схиархимандрита Софрония (Сахарова) многие знают по личному общению, еще больше людей знакомы с ним благодаря его книгам. Ныне в академической среде идет много споров по поводу личности о.Софрония и его творений, отразивших, на первый взгляд, не совсем обычный молитвенно-аскетический опыт.

Как в случаях с другими возникающими недоумениями, так и в этом, единственно разумным представляется обратиться за их разрешением, если не к древним святым, то к святым нашим дней, почившим или живущим. О святости и истинности духовной жизни о.Софрония единодушно свидетельствует весь Афон, и не только он. Можно сказать, что вся Элладская Церковь в один голос говорит о непрелестности его учения и полностью принимает его опыт. В каком бы монастыре мы не спрашивали об отношении насельников к о.Софронию под Салониками, на Олимпе или на Эгине — везде мы слышали только положительные отзывы.

Известный преподаватель богословского факультета Фессалоникийского Университета Георгий Манзаридис, много лет посвятивший изучению наследия святителя Григория Паламы, видит в трудах о.Софрония так же, как и в исихастском учении Григория Паламы, Симеона Нового Богослова, Исаака Сирина и Макария Великого, то же самое богословие Нетварного Света.

Духовный писатель схимонах Феоклит из монастыря Дионисиат (Афон) говорит о том, что благодаря старцу Софронию мы узнали преподобного Силуана Афонского, житие и духовное восхождение которого о.Софронию удалось раскрыть в полноте именно по причине преемственности духовного опыта. Из книги "Старец Силуан" мы узнаем не только самого преп.Силуана, говорит о.Феоклит, но и его ученика и поистине нового богослова — автора жития. Перевод на греческий язык "Старца Силуана" послужил одной из причин духовного возрождения Святой Горы, когда в 70-х годах нашего столетия в приближающиеся к запустению афонские обители хлынула молодежь.

О том, что духовный опыт о.Софрония был принят в святогорскую традицию исихазма, свидетельствовал монах Паисий (Эзнепидис)², преставившийся в 1994 году. Он рассказывал о том, как его духовнику, отцу Тихону, явился однажды его друг, старец Силуан (уже пос-

² См. "Встреча" № 2. 1996

ле своей смерти) и назвал о.Софрония блаженным.³ Истинность же слов и о.Тихона, и о.Паисия подтверждается святостью их жизни, засвидетельствованной тысячами людей и сотнями чудес.⁴ И именно после беседы с о.Паисием и встреч с о.Софронием архимандрит (ныне митрополит) Иерофей (Влахос) написал книгу “Одна ночь в пустыне Святой Горы”, выдержавшую 10 изданий в Греции и только после этого переведенную на русский язык и вызвавшую соблазн у некоторых людей из академической и, отчасти, монашеской среды. В другой своей книге “Святитель Григорий Палама как Святоторец” о.Иерофей пишет, что на Афоне свидетели обожения были всегда, есть они и теперь. В доказательство своих слов он приводит четыре современных свидетельства о видении Нетварного Света, среди которых, наряду со св.Арсением Капшадокийским, старцем Иосифом Исихастом и преп.Силуаном Афонским, стоит и свидетельство о.Софрония (Сахарова), “поведавшего с глубочайшим смирением, чтобы принести пользу людям и укрепить их в Православной вере”⁵, о своих созерцаниях Нетварного Света, который жил в его сердце и приводил его к любви и плачу за весь мир.

Десятки старых монахов на Афоне, лично знавших старца, с благодарностью вспоминают мудрые советы этого духовника нескольких святогорских монастырей.

Отец Софроний за свою долгую жизнь многим помог прийти ко Христу и сотворил множество чудес, о которых, к сожалению, мы знаем только понаслышке.

Сегодня мы предлагаем читателю перевод с новогреческого языка (за неимением материала на русском языке) пролога Максима Эггера к книге о.Софрония “О Духе и Жизни”, в оригинале вышедшей на французском языке.

послушник Василий Петров, 4 класс МДС

* * *

“Мы нуждаемся в помощи, нуждаемся в путеводителе к Богу,” — писал святой Дорофей Газский в VI веке. С самого начала истории христианства верующие любого общественного положения, желая до конца последовать врожденному зову, найти путь сердца и подняться по “святой лестнице”, которая ведет к Богу, искали “руководителей”, способных вести их по “узкому пути” спасения. На протяжении веков в поиске совета, слова утешения, вдохновения, они повторяли выражение,

столь возлюбленное отцами пустыни: “Авва, скажи мне слово на пользу”. Духовное отцовство как дар Святого Духа является живым сердцем Православной Церкви. Это золотая цепочка Предания, которая напоминает нам о том, что Христианство — это не религия книги, а откровения тайны личности.

Просветленный свидетель этого откровения старец Софроний в своем учении различает два типа слова: слово, которое несет лишь общий смысл, и слово, которое приобщает. Слово, которое только информирует и слово, которое вдохновляет. “Душевное” слово (в данном случае на религиозную тему) и “духовное” слово носителя Святого Духа...

Но как редко действительно духовное слово — проводник Божественной благодати. Основываясь на догматах, оно не является абстрактным. Богословское, с глубоким значением, слово духовное не рождается от книг или от теоретического знания, но от подвига и молитвы, от очищения души и божественного опыта. То есть мы должны очиститься от страстей и от своеволия, чтобы для нас стало возможным исполниться Духа Святого, источника всякого слова истины. Мы должны призывать Имя, которое объемлет все имена — Имя Иисуса Христа, низвести ум в потаенное место сердца, чтобы войти в безбрежное молчание, где с нами разговаривает Бог и откуда мы поистине можем говорить сердцу другого. Нужно разорвать тьму нашего внутреннего личного ада, чтобы возродиться в Нетварном Свете, которым сияет воплотившееся Слово.

Духовные отцы — живые иконы Христа, носители Святого Духа, Который говорит через них. Только тот, кто умер для самого себя и воскрес во Христе, может породить слово, которое животворит, которое освобождает в Духе. Только тот, кто углубился в молчание, в “язык будущего века” — по слову святого Исаака Сирина — может породить слово, которое является эхом первоначального слова Творца. Наконец, только тот, кто увидел истинный Свет, может засвидетельствовать присутствие Божие своим собственным присутствием и своим словом.

Этим особым “очистительным” путем шел старец Софроний в течение своей 68-летней монашеской жизни. Он родился в Москве в 1896 году. В юности его занимали самые глубокие метафизические вопросы. Пожар Первой Мировой Войны (1914–1918) и потом гражданская война в России раскрывают ему трагический характер человеческого бытия. Под влиянием памяти смертной он приобретает опыт “бездны небытия”, но в то же время чувствует существование бесконечного Бытия. Не имея, по причине революции, благоприятных

³ ΓΕΡΟΝΤΟΣ ΠΑΙΣΙΟΥ ΑΓΙΟΡΕΪΤΟΥ, Ἀγιορείται Πατέρες καὶ Ἀγιορείτικα, Σουρατὴ Θεσσαλονίκης, 1995, σ. 39

⁴ Γερομονάχου Ἀγαθαγγέλου (Καλαφατῆ), Ὁ ἀναμνήσεις μου ἀπὸ παπᾶ-Τύχωννα, ἉΓΙΟΝ ὍΡΟΣ, 1996; Γερομονάχου Χριστοδούλου Ἀγιορείτου, Ὁ ΓΕΡΩΝ ΠΑΙΣΙΟΣ, ἉΓΙΟΝ ὍΡΟΣ, 1994

⁵ Αρχιμ. Ιεροθεου Βλαχου, Ὁ ἅγιος Γρηγόριος ὁ Παλαμῆς ὡς ἀγιορείτης, σ. 333-334

условий для занятия своим большим увлечением - живописью, он уезжает в Европу и прибывает в Париж в 1922 году, где вскоре выставляет свои работы в Salon d'Automne и в Salon des Tuileries. Там он познает свой собственный "путь к Дамаску". Посетившая его благодать дает ему осознать как величину своих прежних грехов, так и все то, что отделяет его от Бога и совершенства, к которому призывается человек. В отчаянии и океане слез он переживает свое второе крещение — покаяние. В то время, когда он погружен во "тьму ада", Бог является ему во Своем Свете. Начинается новая жизнь, исполненная молитвы и любви ко Христу. Он теряет мир, и мир теряет его. Чередование посещений Божественного Света и "памяти смертной" мешает его занятиям живописью. После нескольких месяцев внутренней борьбы он оставляет сферу искусства и решает посвятить свою жизнь Богу. Он поступает в Свято-Сергиевский Богословский институт в Париже, который только что был основан. Однако, богословские занятия его не удовлетворяют.

В 1925 году старец Софроний приезжает на Святую Гору, становится монахом в Русском монастыре святого Пантелеимона. Очень быстро он получает дар непрестанной молитвы. Но он познает также "смертоносную животворную боль потери благодати". "Смертоносную", — потому что открывает ему его ничтожность и глубину его греха. "Животворную", — ибо она — источник покаяния, которое сокрушает сердце, привлекает Божественную милость и еще большую благодать. Духовная жизнь отца Софрония, проходящая между Гефсиманским садом и горою Фавор, есть "путь слез": внутреннее шествие между радостью и отчаянием, Божией оставленностью и посещениями Святого Духа.

Для старца Софрония Афон является, в первую очередь, величайшим и решающим событием его бытия, истинным даром Промысла Божия, где произошла его встреча с блаженным старцем Силуаном. Этот пламен-

ный аскет, русский крестьянин, в котором Thomas Merton видел "авторитетнейшего монаха двадцатого века", принял не только благодать "увидеть" Христа, но и слово спасения для нашего времени: "Держи ум свой во аде и не отчаивайся". В этом смиренном человеке, который молился и плакал о всем мире как о самом себе и переживал в высшей степени любовь к врагам, старец Софроний увидел воплощение личного ипостасного совершенства — человека по образу Божию.

После смерти своего старца в 1938 году он уходит в "пустыню" с целью укрепиться в своей любви к Богу, испытать ее на верность. Одновременно он становится пустынноником и духовником многих монастырей и вкушает безграничную свободу чистой молитвы — свободу, превыше смерти. Но в глубине своей пещеры он слышит вопль всего мира. Бог дает ему благодать молиться за всего Адама и своим сердцем принимать участие в страданиях и ужасе воюющего человечества.

В 1947 году по Божию Промыслу он уезжает со Святой Горы и возвращается во Францию. В следующем году он публикует писания старца Силуана с введением в его учение. Книга "Старец Силуан" — становится классическим трудом о православной аскетической жизни.

Привлекаемые его духовным сиянием, несколько человек разных национальностей собираются вокруг него в предместьях Sainte - Genevieve - des - Bois, недалеко от Парижа. Тяжело больной, брошенный в неблагоприятных условиях, старец Софроний не может вернуться на Святую Гору. В 1959 году, сопровождаемый своими учениками, он уезжает в Англию, где основывает обитель святого Иоанна Крестителя. Он был общежительным монахом, пустынноником. Теперь он становится "свидетелем Света" в самом сердце мира. Он вновь обретает свое первое дарование. Он пишет иконы и книги, среди которых — его духовная автобиография, изложенная в произведениях "Видеть Бога как Он есть" и "О молитве".

Подлинный носитель Православия, он приносит его и на Запад, отвечая на современные западные проблемы. В монастыре литургия святого Иоанна Златоуста была переведена на английский язык и теперь совершается на различных языках. Иисусова молитва становится церковным последованием и совершается сообща, и на языке каждого насельника. В 1988 году подтверждается глубокое предчувствие отца Софрония и вознаграждается труд его жизни: старец Силуан канонизируется Константинопольской Вселенской Патриархией.

Приближаясь к концу своей земной жизни, старец Софроний почувствовал в эти последние годы необходимость передать своим духовным чадам плод опыта своей жизни во Христе. Раз в неделю он вскармливает своим словом ближайших учеников и "одухотворяет" их повседневную жизнь своими советами и поучениями. Нужно было увидеть старца Софрония, во время беседы, молитвенно обнимающего братьев своим исполненным любви взглядом, чтобы понять силу и меру вдохновения Божия, оживляющего его слова.

Главы, собранные в эту книгу ("О Духе и жизни" — *Ред.*), являются выдержками приблизительно из сорока его бесед. Избранные выдержки, которые мы публикуем, не являются ни метафизическим рассуждением, ни обязательными правилами жизни, ни этическим учением. Вскормленное Словом Божиим и писаниями отцов подвижников, слово старца Софрония является евангельским и святоотеческим в прямом смысле этого слова. Это плод сердца. Оно обращено не к рациональному интеллекту, а к "хрупкой части души" — "потасному сердцу" человека. Как плод Святого Духа — это семя жизни в Духе, росток от призывания Имени. Это молитва, которая зовет к молитве, слово, вдохновенное Богом, которое ведет к Богу. Несмотря на свою силу, оно нежно. Оно исполнено любви и поддержки... Пронизывая, оно зовет к покаянию, к изменению каменного сердца в плотное, к изменению ума, к обретению нашего внутреннего человека, образа Божия, запечатленного в тайниках нашей души и закрытого всеми масками, которыми наше "я" безвкусно украшено.

Старец Софроний не стремится ни убедить, ни очаровать. Его слово либо задевает душу, либо не трогает. Семя не может пустить корни и принести плоды на неготовой его принять земле. Все зависит от нашей способности слышать, от нашего желания преобразиться и от нашего желания сказать "да"...

"Любое слово оспаривается другим словом, но какое слово может оспорить жизнь?" — говорил святой Григорий Палама.⁶

Максим Еггер

Некоторые замечания по поводу статьи "Видеть Бога как Он есть" архимандрита Софрония (Сахарова) в свете святоотеческой традиции"

(Духовный мир, №2, 1996.)

"Прииди, Свет истинный..."¹

Книга "Видеть Бога как Он есть" — это приоткрытая "тайна души, стоящей пред Богом"², к которой можно лишь *приинкнуть* (1 Пет.1,12). Схиархимандрит Софроний сам раскрывается внимательному читателю, и для этого необходимо только желание услышать его. Услышать именно в свете святоотеческой традиции, *потому что о сем надобно судить духовно* (1 Кор.2,14). Но, к сожалению, как раз этого "услышания" и не хватает автору рассматриваемой статьи, где не упоминается ни об опыте преподобного Макария Египетского, преподобного Симеона Нового Богослова, ни святителя Григория Паламы, ни преподобного Серафима Саровского. Не принимается во внимание и аскетический опыт преподобного Силуана Афонского, тогда как схиархимандрит Софроний (Сахаров) прямо говорит, что не он выдумал "сие учение, но был научен снисхождением Божиим чрез Его избранника"³, то есть старца Силуана. С этим можно не соглашаться, но нельзя игнорировать, ведь святоотеческая традиция не есть нечто абстрактное. Это духовный опыт того или иного святого отца. С печалью приходится видеть, что то доверие, с которым старец Софроний вручил себя читателю, не было принято во внимание автором рецензии. В статье, конечно, нет резких утверждений, но мягко дается понять, что опыт афонского духовника не может быть безусловно принят каждым подвизающимся в духовной брани. Иногда автор рецензии допускает едва ли не ироничные замечания: "Как видно уже из первых цитат, автор признает себя человеком с высокими духовными дарованиями, тайнозрителем неземных процессов и "реальностей, превосходивших (его) рассудок". Он достигает состояния плача и тайнозрительства, подобно Апостолам. Осознание своей благодатной избранности дает ему возможность излагать свой духовный опыт в качестве некоего руководства, которое православные интеллектуалы XX века могут рассматривать как фундаментальную основу для своей духовной жизни".⁴

⁶ "Словом побеждается всякое слово, жизнью же что?" Св. Григорий Палама. О священных безмолствующих. 1, 3, 13